

Это был самый холодный день в году. Снег падал беззвучно.

Не было даже ветра — крупные хлопья медленно опускались с неба, будто кто-то лениво рвал вату в вышине.

Прохожие кутались в воротники, спеша укрыться от пронизывающего холода.

Цюй Чэньчжоу несколько раз порывался пойти за людьми, чтобы найти укрытие, но каждый раз останавливался и бормотал себе под нос:

— Я должен ждать его возвращения...

Его голос растворялся в темноте.

Он протянул руку — белоснежные хлопья падали на ладонь и проваливались сквозь нее.

Босые ноги стояли в снегу, но не чувствовали холода. Руки были изуродованы рваными ранами до кости, но боли тоже не было.

Только внутри царила пустота.

Стемнело. Улицы опустели, и он снова уселся у флагштока, обхватив колени.

Не от холода — просто с детства лишь так, свернувшись калачиком, он чувствовал себя в безопасности.

Огни в домах один за другим гаснули. Ночная улица становилась все безлюднее, и он тихо напевал себе обрывки полузабытых мелодий.

«Первый удар барабана... Мартовские цветы... Кукушки кричат... Ласточки под крышей... Каждый день зовут восточный ветер...»

Его никто не слышал, но он пел — для себя и для своего тела, которое висело рядом на флагштоке.

Он не понимал, почему оказался здесь и как стал таким. Люди унесли его труп, а он в растерянности последовал за ними.

Серебряные стрелы уже вынули, но окровавленную одежду не сменили. К счастью, стояли морозы, и тело не разлагалось, сохраняя вид, как в момент смерти — жалкий и неприглядный.

Четырнадцатый день выставления на всеобщее обозрение.

У Чунмина не было причин не ненавидеть его.

Тысячи людей из рода Лю, сотни из связанного с ними рода Бай, императрица Лю и малолетний принц — все погибли из-за него.

Не говоря уже о бесчисленных незнакомцах, чьи семьи он разрушил за эти годы.

Такой конец был заслуженным.

Поэтому не было обиды.

Он лишь недоумевал, куда ему теперь идти. Может, Небо, возненавидев его злодеяния, наказало его, лишив перерождения, и теперь он обречен наблюдать, как его проклинаят.

Но никогда еще в жизни он не чувствовал себя так свободно — мог петь небу, не боясь ничего.

«Пятый удар барабана... Жемчужные шторы промокли... Снег покрыл Небесные горы... Тучи застыли на тысячу ли... Бесчисленные путники в облаках...»

За эти дни его сознание, казалось, слабело, а память ухудшалась. Он не помнил, откуда знал эту песню, но мелодия была до боли знакомой.

Снова и снова, от первого удара барабана до пятого, затем обратно — без усталости, пока на востоке не занималась заря.

Вместе с рассветом пришли люди.

Всадники на горячих конях мчались сквозь сверкающие лучи, прямо к нему.

Цюй Чэньчжоу встал, и уголки его губ дрогнули.

Где-то давно, кажется, тоже был человек, который появился перед ним в ослепительных солнечных лучах и спросил со смехом: «Астролог Цюй?»

Это был первый луч света в его жизни.

Он невольно сделал несколько шагов навстречу, протягивая руки:

— Чунмин...

Но всадник в черном промчался сквозь него, и конь, взметая снег, рухнул на колени у флагштока.

Слуги бросились отвязывать провисевшее две недели тело.

Лю Чунмин, стоя на коленях, прижал окоченевший труп к груди и зарыдал так отчаянно, что крик разорвал утреннюю тишину.

Цюй Чэньчжоу застыл позади. Этот плач был таким душераздирающим, что он машинально потрогал свое лицо — но у призрака не может быть слез.

— Чунмин, зачем ты плачешь?

Он лишь осторожно положил руку на голову Лю Чунмина.

— Я уже мертв... Не плачь.

Пальцы погрузились в волосы, становясь все прозрачнее на солнце, словно утренний туман, исчезающий под лучами.

Цюй Чэньчжоу поднял постепенно растворяющиеся руки перед глазами и с облегчением закрыл веки.

Тело мертво, дух рассеивается — наконец он может освободиться.

Он чувствовал себя легким, словно парящим в облаках. Но разве такому, как он, не положено гореть в аду?

Он не знал, куда отправится, лишь ощущал, как парит, будто во сне о полете, и вот-вот пробудится...

Тело неудержимо понеслось вниз.

Цюй Чэньчжоу резко рванулся вперед, успевая ухватиться за край стола, но что-то острое впилось в ладонь.

Это была гадальная кость — предмет, которого он не видел много лет.

Еще в башне Цишэн хозяин заставлял его использовать ее для предсказаний. Хотя в ней не было нужды, но, как говорил хозяин, «так выглядит солиднее».

Помимо незнакомых гадальных костей, он увидел свои собственные руки.

Это были руки юноши — пропорциональные, с еще не оформившимися четко суставами, слегка грубоватые, совсем не похожие на те длинные, тонкие и белые ладони, к которым он привык.

Цюй Чэньчжоу с рождения был чудовищем, затем в буквальном смысле превратился в призрака, видел, как его тело отделилось от него самого. Даже после таких жутких событий он все еще не мог понять, в какую ситуацию попал на этот раз.

Пока он пребывал в оцепенении, перед ним раздался резкий окрик:

— Ду Цюань! Что это значит?!

Ду Цюань? Хозяин башни Цишэн, умерший много лет назад?

Но вместо еще живого Ду Цюаня его взгляд устремился на человека напротив, отделенного от него лишь столом.

Тому было лет за сорок, ухоженное лицо без единого волоска было белым и гладким, покрытым пудрой. Незнакомец смотрел на Ду Цюаня с холодной, язвительной усмешкой.

Пальцы Цюй Чэньчжоу, сжимавшие гадальные кости, непроизвольно сжались.

Пань Хэ... В год, когда ему исполнилось четырнадцать, евнух Пань посетил башню Цишэн лишь однажды. Но именно после этого гадания у него возникла мысль использовать юношу, чтобы угодить императору.

Менее чем через два месяца башня Цишэн исчезла, а его самого отправили во дворец, где он потерял всякую свободу.

И именно с Пань Хэ он начал свой кровавый путь, сделав его первой жертвой.

— Чэньчжоу! Да скажи же что-нибудь!

Ду Цюань, не ожидавший, что парень вдруг впадет в ступор, торопливо толкнул его и, склонившись в почтительном поклоне, забормотал извинения:

— Господин Пань, прошу прощения! Этот ребенок и вправду странный... Подождите еще немного.

Пань Хэ раскрыл веер и смерил Цюй Чэньчжоу оценивающим взглядом:

— Ду Цюань, ты же не станешь дурачить меня пустыми рассказами?

— Как я посмею, ваша светлость! — заулыбался Ду Цюань. — Я же предупреждал вас: в детстве он был очень способным, но чем старше становился, тем хуже выходило. Если он не сможет ничего предсказать, прошу вас, отнеситесь к этому снисходительно — просто как к забаве.

Пань Хэ, уже немолодой, относился к суевериям не так, как молодежь, и после этих слов кивнул:

— Конечно. У детей взгляд чистый, а с возрастом их затягивает мирская суета, и они теряют этот дар.

Цюй Чэньчжоу ошеломленно смотрел на двоих, которые давно должны были превратиться в скелеты, затем снова поднял руки — да, это были его собственные руки в юности. На лице, как тогда, была маска, скрывающая черты.

Но диалог перед ним был совершенно незнакомым, совсем не таким, как в прошлый раз.

И гадальные символы, проступившие на теле Пань Хэ, тоже отличались от прежних.

В прошлой жизни он безошибочно предсказал Пань Хэ: «На юге вас ждет золото, но обойдите Лочэн стороной».

Пань Хэ, сомневаясь, отправился на юг по императорскому приказу и вернулся с огромной прибылью. А благодаря тому, что он обошел Лочэн, избежал беспорядков в городе. Именно тогда у него и возник коварный замысел.

Так что же происходит сейчас? Неужели Небеса решили, что перед тем, как он переродится, ему нужно еще раз увидеть самых ненавистных людей и самые горькие воспоминания, чтобы даже на пути к реке забвения он не забыл о них?

Дыхание Цюй Чэньчжоу участилось. Он не понимал, было ли это видение реальным или иллюзией.

Голоса и фигуры Ду Цюаня и Пань Хэ искажались, кружась вокруг него, превращаясь в вопли демонов. Крики звучали все более невнятно.

Голова раскалывалась от боли.

Этих кошмарных людей он не хотел видеть даже во сне.

Если это сон — пусть позволят ему быть своевольным! Выплеснуть всю ярость!

Он резко швырнул гадальные кости в лицо Пань Хэ, вскочил со стула на стол и, оттолкнувшись от груди евнуха, стремительно вылетел из комнаты.

За пределами здания светило привычное весеннее солнце, наполняя все вокруг теплом — там, где у него никогда не было свободы.

Под крики и ругань прохожих он мчался вперед. И усталость от бега, и испуг людей вокруг казались такими реальными, что его снова охватила паника.

Как будто все, что было до этого, — лишь страшный сон, а на самом деле он по-прежнему принадлежит башне Цишэн, и ничего не изменилось.

Люди из башни Цишэн бросились за ним, но страх уже заглушал все остальное.

Снова бежать, дышать полной грудью, чувствовать, как сердце бешено колотится в груди — сейчас не имело значения, реальность это или нет.

Хотя бы во сне...

Но сейчас у него было хрупкое подростковое тело, и, не успев пробежать и двух улиц, он почувствовал, как преследователи настигают его. Они сбили его с ног и скрутили руки.

Цюй Чэньчжоу отчаянно закинул голову, не обращая внимания на пыль, забивающуюся в горло, и закричал хрипло:

— Помогите! Кто-нибудь! Спасите!

— Что происходит? — раздался юношеский голос где-то сверху.

Он, как утопающий, хватался за соломинку, не надеясь на ответ.

Но этот голос заставил его тело дрогнуть, словно выбив из него все силы.

Такой знакомый... Голос, который звучал в его снах бесчисленное количество раз — как он мог его забыть?

Цюй Чэньчжоу поднял голову и в солнечном свете увидел юношу, склонившегося к нему с лошади.

— Что происходит?

Имя застряло у него в горле, так и не сорвавшись с губ.

«Чунмин...»

<http://bllate.org/book/15643/1398423>